

УТВЕРЖДАЮ
Проректор по научной работе
Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»,
профессор Туник Сергей Павлович

ОТЗЫВ

ведущей организации – Санкт-Петербургского государственного университета – о диссертации Каранова Дмитрия Павловича «Этнокультурное развитие ингерманландских финнов в конце XIX – 20-ых гг. XX вв.», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология.

Национальный фактор всегда играл заметную роль в истории многонациональной России. Диссертационное исследование Дмитрия Павловича Каранова посвящено ингерманландской этнической общности 1884 – 20-х гг. XX в. – первоначально отличающихся между собой по этнической культуре эурямейсет и савакот. Они были названы так по основным областям Финляндии, откуда в XVII в. после Столбовского договора шло заселение Ингрии (Ижорской земли). Русское крестьянское окрестное население в XVIII – XIX вв. чаще называло их маймистами и чухонцами. Позднее в литературе появляется общее название субэтноса – ингерманландские финны и ленинградские финны, так как этнические особенности между ними постепенно стирались.

Хронологические рамки диссертации четкие – с начала выпуска первой значимой газеты ингерманландских финнов «Inkeri» – до начала коллективизации в СССР. Географические рамки исследования охватывают территорию, как Санкт-Петербургской (Петроградской) губернии, так и Санкт-Петербурга-Петрограда-Ленинграда.

На первый взгляд, историография, посвященная ингерманландским финнам, достаточно обширна. В историографическом очерке (С.7–16) Дмитрий Павлович выделил три периода в ее развитии. Тем не менее, факторы и процессы, оказавшие влияние на преобразование ингерманландской этнической общности изучены недостаточно, представленная работа восполняет этот пробел.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые четко охарактеризованы, применяя термины социологии, мобилизаторы – воздействие культурных институтов на этническую общность, каналы передачи этнокультурной информации, в частности, этнокультурные функции местных газет, материалы которых во многом впервые вводятся в научный оборот.

Структура диссертационного исследования логична и последовательна. Оно состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений и приложений.

Во введении дана характеристика источниковой базы (с.16—17). Представленное исследование выполнено на основе различных типов источников – этнографических, письменных, кинофотодокументов (включая видеоматериалы), периодики и источников личного происхождения (воспоминания). Письменные источники (в их составе и находящиеся в архивах) состоят из различных видов, включая законодательные, статистические и делопроизводственные источники. Отдельно можно выделить картографические источники. Многие документы впервые вводятся в научный оборот. Изучены архивные фонды Российского государственного исторического архива (Департамент народного просвещения, Главное управление по делам печати МВД) и Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (Педагогических курсов, Гатчинского педагогического техникума и др.). Наиболее активно использовались 5 периодических изданий на финском языке 1884—1937 гг., включая те, которые после самоопределения Финляндии издавались по ту сторону границы. В двух из них публиковались и воспоминания ингерманландских финнов, ставших эмигрантами, относящиеся к источникам личного происхождения. Были использованы этнографические источники в виде материалов этнографических обследований, содержащихся в различных публикациях. Отдельно выделены видеоматериалы, которые отчасти можно квалифицировать и как тип источников в виде кинофотодокументов.

В первой главе «Теоретико-научные аспекты этнокультурного развития этнических групп» Дмитрий Павлович рассматривает их в тесной связи с методами научного исследования в сферах этнографии и социологии, отдавая дань своим предшественникам. Эта глава во многом носит проблемно-историографический характер, обосновывая методологию исследования. Показана роль различных мобилизаторов, в частности роль печатных изданий в мобилизации общества и лютеранства, как компонента этнической идентичности финского населения края. Диссертант справедливо отмечает и элементы язычества среди местного финно-угорского населения, известные многим современникам. Проанализирована проблема влияния на этнокультурное развитие этнических групп интеллигенции, при всех разных трактовках последнего термина.

Вторая глава посвящена предреволюционному этнокультурному развитию ингерманландских финнов. Диссертант справедливо отмечает, что деление на две этнические группы не соотносится с 4 группами ингерманландских говоров – северной, восточной, центральной и западной. Поставлена также проблема влияния на ингерманландских финнов процессов консолидации и ассимиляции. Показана значительная роль лютеранства и церкви в этнокультурной среде ингерманландцев, так как практически все сферы жизни финнов до революции находились в руках духовенства. Дмитрий Павлович присоединяется к мнению, что евангелическо-лютеранская церковь помогала финнам в России сохранять их национальную идентичность. Выявлена и проанализирована роль созданной в 1864 г. Колпанской (в русском варианте – Колпинской) семинарии. Приведена статистика выпускников, имена наиболее ярких учителей-ингерманландцев.

Справедливо отмечена и роль государства, особенно с переходом в 1892 г. евангелистско-лютеранских церковно-приходских школ под контроль Министерства народного просвещения. Наиболее информационной частью главы является параграф, посвященный анализу газет «Inkeri» (с 1884 в С.-Петербурге, а с 1910 г. – в Выборге) и «Neva». Предшествующие газеты на финском языке, издававшиеся в 1870-х гг. в С.-Петербурге, как отмечает диссертант, «не интересовали финнов-ингерманландцев» (С.

102). Отмеченные газеты впервые были столь подробно проанализированы, а их материалы введены в научный оборот. Интересны данные о местных обществах трезвости, в частности, «Alku» (С. 122).

Третья глава посвящена этнокультурной среде ингерманландских финнов в 1920-е гг. Как известно, Февральская революция вызвала оживление политической жизни финского населения Петрограда и губернии, появление программы национального самоуправления и культурной автономии. Проанализированы также изменения в общественных настроениях петроградских финнов в летне-осенний период 1918 г., также начало процесса ингерманландской эмиграции, появление идей «Великой Финляндии» и лозунга присоединения Ингерманландии к Финляндии (С. 137). Показана противоречивая, в том числе, и негативная роль так называемых «красных финнов», которые способствовали гонениям на лютеранскую церковь, усилившимся в конце 1920-х гг. Впрочем, можно добавить, это отражало общую церковную антирелигиозную политику государства по отношению ко всем конфессиям. Проанализированы изменения в информационной среде после революции, значение газет, в том числе, «Wapaus» и журнала «Kommunisti», деятельность финского издательства «Kirja» («Книга»), а также особенности школьной системы и деятельности Гатчинского финского педагогического техникума.

В заключении обоснованно подведены итоги исследования. Можно согласиться с общими выводами диссертанта, сформулированных в 6 тезисах. Приложения к диссертации в виде статистических таблиц и иллюстративных материалов удачно дополняют основной текст.

Естественно, что столь обширное и многостороннее исследование, вызывает некоторые вопросы и замечания. Во многом, они предопределены широким диапазоном предложенной тематики и обилием поставленных задач.

Вне внимания автора остались архивные источники ведомственных архивов, в частности, Архива кафедры этнографии и антропологии Санкт-Петербургского государственного университета.

При анализе источниковой базы, вероятно, нужно было использовать более четкую классификацию источников с разделением их на типы и виды, как это принято в источниковедении. Термин «группа», использованный автором является слишком неопределенным (подробнее см.: Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975). При анализе источников и литературы нечетко выделены статистические источники от литературы. Часть статистических источников в библиографии оказалась среди литературы.

Одним из источников мельком упомянутым Дмитрием Павловичем в обзоре историографии являются историко-этнические карты. Диссертант упоминает об изданной академиком П. И. Кёппеном в 1851 г. «Этнографической карте России». Но, во-первых, карта П. И. Кёппена называлась «Этнографическая карта Европейской России» (Масштаб: в одном английском дюйме 75 верст; 1:3 150 000). Были также переиздания 1852 и 1855 гг. Но, что принципиально важно более подробно, расселение ингерманландских финнов (отдельно по каждой этнической общности) было показано на неупомянутой диссертантом более ранней «Этнографической карте С.-Петербургской губернии», изданной в 1849 г. (Масштаб: в одном дюйме 15 верст; 1:630 000). (Анализ картографических источников см.: Выскочков Л.В. «Историко-этнические карты Северо-Запада России (конец XVIII – первая треть XX в.) // Историческая этнография: Русский Север и Ингерманландия. СПб., 1997. С. 165–179). Известный исследователь в области исторической картографии О. А. Красникова в Архиве Географического общества

обнаружила более подробный «Этнографический атлас С.-Петербургской губернии», который составил также П. И. Кёппен.

Историография вопроса обстоятельна, но некоторые пропуски все же существуют. Ряд диссертационных работ, в частности А. Ю. Чистякова упомянут в тексте («Ингерманландские финны: XVII – начало XX в.: история и этническая культура» 1998), но не все авторефераты указаны в списке источников и литературы. Это же касается диссертационных работ А.А. Трипольской, посвященной русскому населению Ингерманландии и Л.Л. Стоговой «Ижорская земля – Ингерманландия» (С. 14). Почему забыты немцы Санкт-Петербургской губернии, судьба которых в XX веке во многом напоминала судьбу финнов. Было бы интересно провести исторические параллели. Среди множества исследований на эту тему можно было бы использовать обобщающую работу Л. Н. Пузейкиной «Немцы в Санкт-Петербургской губернии: история, язык, песни». (СПб., 2013). В тексте диссертации упомянута монография Макса Энгмана «Финляндцы а Петербурге» (СПб., 2008), но она отсутствует в списке литературы. Финские газеты, которые Дмитрий Павлович справедливо относит к источникам, почему-то включены в список литературы.

Во второй главе весьма странным выглядит фрагмент о происхождении названия «Ингерманландия» (С. 69–70). Упомянув разные гипотезы, к числу достоверных гипотез Дмитрий Павлович относит версию, связанную с именем шведской принцессы Ингигерды. Имело бы смысл сослаться на исследовательские работы по топонимике Невского края, а не на общие и популярные работы. На самом деле, это классический пример так называемой ложной топонимики. Эта версия была выдвинута еще историком В. Н. Татищевым, а не более поздним А. Шёгренем, как отмечает диссертант со ссылкой на ингерманландские газеты (С. 114, 116).

Приведенный вариант от реки Ижоры (Inkeri) является обоснованным, так как водная топонимика является старейшей и первичной. Отсюда новгородские названия Ижорской земли и ижор-ингров, населявших этот край к юго-западу от Невы. Термин «Ижорская земля» не противоречит термину «Водская пятина». Водская пятина – это более широкое географическое пространство, в которое входили не только Ижорская земля, но и территория, населенная карелами и водью (чудь). Последние носители водского языка старше 60 лет были еще в 60-х гг. XX века.

Справедливо отмечено значение финских церковно-приходских и воскресных школ. Но, следует иметь в виду, что были начальные школы со смешанным контингентом учащихся, как, например, в мызе Рябово Шлиссельбургского уезда. Как свидетельствуют архивные документы ЦГИА СПб. (Псковская, 18), в этом случае Закон Божий преподавался отдельно для русских и финских учащихся. Последним преподавал пастор.

При анализе политического и культурного развития финнов после революции (с акцентом на положение лютеранской церкви) недостаточно сказано об этнокультурных обществах. Дмитрий Павлович отмечает также, но вскользь, что «проводниками национальной и культурной политики РКП (б) стали многочисленные финские секции, организованные при органах государственной власти» (с. 143). Конкретно осталась без внимания политика «Финского комиссариата» в составе Петроградского комиссариата по делам национальностей, сотрудники которого попутно проводили регулярные обследования экономического состояния и быта субэтнической группы ингерманландцев (Подробнее см.: Романова Н.М. Политика управления национальными процессами в Петрограде и Петроградской губернии (1917—1923 гг. (СПб., 2013. С. 121–123 и др.).

Можно добавить и некоторые более мелкие замечания.

В списке источников и литературы не указаны страницы публикаций и статей в сборниках и журналах. Андреас Шегрен – правильная транскрипция Шёгрэн, аналогично правильнее Кёппен. Точка при ссылке ставится после цифры.

Несмотря на вышеприведенные замечания, диссертационное исследование Дмитрия Павловича Каранова отвечает всем основным требованиям, предъявляемым к кандидатским работам данной специальности.

Работа актуальна в контексте развития современной отечественной исторической науки, ее результаты могут быть использованы в учебных и учебно-методических пособиях по истории России. Оформление диссертации в целом отвечает требованиям. Основные положения диссертационного исследования отражены в автореферате и публикациях, в том числе 3 из них – в изданиях, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки РФ. Содержание автореферата соответствует содержанию диссертационного исследования, так же, как и содержание научных статей, отражает основные позиции и выводы диссертанта.

Задачи, поставленные соискателем, выполнены. В работе использованы разнообразные методы исследования, что позволило выполнить ее на высоком научно-теоретическом уровне. Результаты и выводы были апробированы не только в публикациях, но и в выступлениях диссертанта на конференциях в 2010–2014 гг. и на секторе европейских народов Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Опубликованные работы и автореферат отражают содержание диссертации.

Диссертация Дмитрия Павловича является оригинальной и завершенной научно-квалификационной работой, соответствующей требованиям п. 8 Положения о порядке присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология.

Отзыв составлен доктором исторических наук, профессором кафедры истории России с древнейших времен до XX века Л. В. Вискочковым и единогласно утвержден на заседании кафедры Истории России с древнейших времен до XX века 30 июня 2015 г. протокол №5.

Заведующий кафедрой Истории России

с древнейших времен до XX века

Института истории СПбГУ,

доктор исторических наук, профессор

А. Ю. Дворниченко

Подпись руки

А.Ю. Дворниченко

УДОСТОВЕРЯЮ

Специалитет

по кадровой работе

30 июня 2015 г.

Л.В. Вискочков